

Ян Эйхлер

Российско-грузинская война и ее влияние на международную безопасность

Летом 2008 г. вспыхнула война между Грузией и Российской Федерацией. Она привлекла к себе внимание всего мира и породила множество дискуссий на тему дальнейших путей развития отношений в области международной безопасности. К настоящему времени пока не известно точное число погибших непосредственно в ходе боевых действий. Но поскольку обе стороны утверждают, что их потери превышают одну тысячу человек, то в соответствии с установленными международными критериями фактически речь идет не о вооруженном конфликте (не более тысячи погибших в течение одного года боев), а о войне. Поэтому, невзирая на ее скоротечность, в данной статье используется слово «война».

Исторические детерминанты

После распада СССР первым президентом Грузии стал Звиад Гамсахурдия, который в своей деятельности делал ставку на грузинский национализм. Эту линию продолжил его преемник, Э. Шеварднадзе: в 1992 г. в сепаратистски настроенные области он послал вооруженные силы Грузии. После артобстрела грузинскими войсками Цхинвали, столицы Южной Осетии, погибло 2000 мирных жителей. Но затем стали беженцами десятки тысяч

грузин (по некоторым данным – около 300 000)¹. А напряженность продолжала расти.

В 2006 г. при поддержке России сепаратистски настроенные элементы Южной Осетии организовали референдум, в ходе которого 99% избирателей высказалось за провозглашение независимости. Так столкнулись два абсолютно различных подхода. Президент Грузии Саакашвили провозгласил своей целью возвращение Южной Осетии и Абхазии под свой контроль и в 2007 г. пообещал грузинским беженцам, что не позднее, чем через год, они смогут вернуться домой. С другой стороны, Москва начала выдавать жителям Южной Осетии российские паспорта, которые получили девяносто процентов местных жителей, что фактически означает своего рода бесшумный демографический переворот.

Если Южная Осетия опиралась на поддержку Москвы, то президент Грузии Саакашвили рассчитывал на поддержку США. В своем анализе Марк Элмонд из Оксфордского университета критиковал американскую военную помощь с поставкой вооружения и подготовкой личного состава, которую политики типа Саакашвили воспринимают как безоговорочную поддержку своих действий, ведя себя соответствующим образом. В заключение М. Элмонд сделал интересный геополитический вывод: Грузия представляет собой копию постсоветского пространства в миниатюре, отличающегося неоднородностью. Поэтому он задает полемический вопрос: на каком основании негрузинские народы должны оставаться в некой микроимперии, с политикой которой они не согласны?²

Международная ситуация накануне войны

В середине 2008 г. международные отношения в области безопасности характеризовались наличием четырех неблагоприятных тенденций. Первая – стагнация процесса разору-

¹ M. Almond, *Moscou - Tbilissi: responsabilités partagées* // „Le Monde” от 21 августа 2008 г.

² Там же.

жения. После конференции 2005 г. по ряду причин выполнение Договора о нераспространении ядерного оружия от 1968 г. оказалось под вопросом. Стратегия безопасности ядерных держав по-прежнему основывалась на применении ядерного оружия, а государства, не обладающие им, все более сомневались в искренности ядерных держав³. О серьезности ситуации также постоянно предупреждали бывшие высокопоставленные американские политики и специалисты в области международной безопасности⁴.

Второй неблагоприятной тенденцией стал рост напряженности между Россией и Западом, в частности, США и НАТО. Это проявилось в политической области и в области международной безопасности. Значительную реакцию вызвало выступление Путина на мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г. – его часто оценивали как конфронтационное⁵. Кроме того, в течение 2007 г. и в первой половине 2008 г. из-за разногласий в вопросе о размещении элементов системы противоракетной обороны США в Польше и Чехии, а в первой половине 2008 г. из-за признания независимости Косово обострились отношения между Россией и США. Особенно возросла напряженность в области энергетической безопасности, приняв характер стратегического соперничества. Еще в 2005 г. РФ однозначно продемонстрировала, что ее цель – добиться прокладки нефтепроводов и газопроводов из Средней Азии по своей территории.

Пагубно также сказывался многолетний рост ассигнований на военные нужды во всем мире⁶. В 2007 г. это составило 1339 млрд. долларов США, что по сравнению с предыдущим годом представляет собой увеличение на 6%, а по сравнению с 1998 г. – на целых 45%. Наибольшая часть этих расходов

³ B. Gill, *A cell to arms control* // SIPRI Yearbook 2008. – С. 5.

⁴ G. Schultz, S. Nunn, H. Kissinger, W. Perry, *A world free of nuclear weapons* // „Wall Street Journal” от 15 января 2008 г.

⁵ J.-Y. Haine, G. Herolf, Z. Lachowski, *Euro - Atlantic security institutions and relationship* // SIPRI Yearbook 2008. – С. 18.

⁶ B. Gill, *Introduction. A cell to arms control* // SIPRI Yearbook 2008. – С. 4.

приходилась на США: в 2007 г. на долю США приходилось 45% военных расходов в мире, что по сравнению с 1998 г. означает увеличение на 63%. Однако наибольший рост военных расходов за последнее десятилетие наблюдался на постсоветском пространстве (162%!). Прежде всего, в Армении, Азербайджане, Молдавии, Белоруссии, Украине, Грузии и России, т.е. в государствах, сыгравших немаловажную роль в рассматриваемой войне.

С этим также связана четвертая неблагоприятная тенденция, действующая в постсоветском пространстве и создающая потенциально конфликтные ситуации. Историческую и политическую сущность проблемы очень точно охарактеризовала профессор Мэри Калдор из Великобритании: после дискредитации социалистической идеи в СССР и исчезновения политической монополии вездесущей и всеильной КПСС во всех постсоветских государствах на передний план вышел национализм как новое средство сплочения ранее притесняемых народов, а также как средство национального самосознания и самоопределения этнических групп для образования новых национальных государств. В полном объеме проводилась политика с акцентом на национальное самосознание, что «в лучшем случае вело к психологической дискриминации лиц других национальностей, а в худшем – к изгнанию из родных мест и геноциду»⁷. В полной мере это проявилось в ходе российско-грузинской войны.

Характеристика войны

Напряженность в Закавказье постоянно росла и в начале августа 2008 г. достигла своего пика, когда президент Грузии Саакашвили заявил, что Грузия восстановит контроль над Южной Осетией и Абхазией, даже если придется применить силу, и назвал их руководство „преступными режимами“. Эта была словесная подготовка к последующим боям. Затем

⁷ M. Kaldor, *New and Old Wars*. Stanford University Press. Stanford, California 2007. - С. 81.

ранним утром 8 августа 2008 последовал прямой военный удар: на главном направлении широкомасштабного наступления грузинских вооруженных сил на непокорную Южную Осетию находилась элитная IV бригада, наиболее боеспособное и оснащенное воинское подразделение Грузии. В поддержку ей была придана III бригада, в то время как I бригада была срочно переброшена из Ирака для обороны Тбилиси. Главной задачей грузинских войск было окружение и последующее взятие Цхинвали, столицы сепаратистской республики Южная Осетия. В тот же день было объявлено о взятии не только Цхинвали, но и других восьми городов и сел Южной Осетии. Ее должностные лица, российский президент Медведев и председатель правительства России Путин говорили о тысячах убитых и о колоссальном материальном ущербе, начав также упоминать о грузинском геноциде.

На следующий день произошло первое прямое столкновение военно-морских сил Грузии и Российской Федерации (РФ). Российские силы ВМФ потопили одно грузинское судно, оснащенное управляемыми ракетами, обосновывая свои действия тем, что грузинские корабли вторглись в зону безопасности российских судов. После этого столкновения остальные грузинские катера развернулись и ушли обратно, и этим эпизодом российско-грузинская война на море завершилась.

11 августа между российскими и грузинскими войсками начались наземные бои. Для участия в них Российская Федерация развернула два усиленных батальона 19-й мотострелковой дивизии, элитные части двух воздушно-десантных дивизий (76-й и 98-й) и подразделения специального назначения. В первый же день боев российские десантники проникли на грузинскую территорию для уничтожения военных баз, с которых Грузия могла оказывать поддержку своим частям, окруженным на территории Южной Осетии. Они быстро захватили военную базу в Сенаки, в том числе хранящееся на ней американское оружие, которое было поставлено Грузии в рамках

программы военной помощи⁸. Одновременно с этим российские войска нанесли мощные артиллерийские и авиационные удары по грузинскому городу Гори. В последующие дни российские подразделения настолько глубоко проникли на территорию Грузии, что на некоторых направлениях до ее столицы, г. Тбилиси, им оставалось пройти чуть более 50 км.

Российский удар был настолько мощным, что уже через два дня боев Грузия начала в одностороннем порядке сворачивать боевые действия. Таким образом, эта война была *молниеносной, скоротечной и неравной*. Сильнейшая сторона абсолютно однозначно победила, а у проигравшей стороны не было ни единого шанса. Грузия попала в чрезвычайно неблагоприятную ситуацию, так как после этой скоротечной войны ей потребуются приложить неимоверные усилия для восстановления уничтоженной инфраструктуры, обеспечения жильем 50 000 беженцев из Южной Осетии и для убеждения обеспокоенных зарубежных инвесторов в целесообразности дальнейших инвестиций.

Что касается характеристики российско-грузинской войны, то она стала еще одним подтверждением того, что не бывает однозначно трактуемых войн – у каждой войны имеется целый ряд своих причин и характерных черт⁹. С точки зрения интенсивности это была *ограниченная война* – она длилась недолго, картина боевых действий менялась очень быстро. Кроме того, это была *этническая война* – она стала следствием напряженности между господствующей нацией, в руках которой находится государственная власть, и национальным меньшинством, проживающим на окраинах страны и требующим независимости. Это также была *война за изменение границ*, так как началась с наступления господствующей нации, не желающей допустить нарушение территориальной целостности своего государства.

⁸ *Russian Forces Capture Military Base in Georgia* // „New York Times” от 11 августа 2008 г.

⁹ См. J. Goldstein, *International Relations*, Washington, 1999.

Если смотреть с точки зрения России, то для нее, пожалуй, это была эпизодическая война: не нужно было разворачивать стратегический эшелон, достаточно было дать приказ нескольким подразделениям на местах. Операции происходили в основном на тактическом уровне, и российские солдаты и офицеры, безусловно, достигли военного успеха, очень важного для боевого духа всей российской армии. В противоположность этому, за исключением I бригады, Грузия задействовала все свои лучшие воинские части. Их жесточайшее поражение имеет последствия стратегического характера: грузинская армия не справилась с боевой задачей, потерпела сокрушительное поражение, а доверие к ней и ее престиж значительно упали. А это, в свою очередь, может отрицательно сказаться на коллективном самосознании Грузии как независимого государства, которое ранее считалось образцом построения демократического государства (*a model democracy-building state*).

Характеристика применения вооруженных сил

Российско-грузинская война характеризуется тремя основными трагическими моментами: несоразмерным применением силы, неизбирательным применением силы и взаимной местью и жестокостью. С самого начала *несоразмерное применение силы* допустили обе воюющие стороны, используя так называемые кассетные бомбы. Грузинская авиация проводила бомбардировки, применяя поставленные из Израиля бомбы M85, но Министерство обороны Грузии заявляло, что целями бомбардировок являются только военные объекты и незаселенные территории. Россия обвинялась в применении бомб РБК-250, но российский Генштаб это отрицал.

Неизбирательное применение силы проявилось при первых грузинских ударах, в результате которых было убито несколько сотен мирных жителей¹⁰ и появились тысячи беженцев, которые пытались эвакуироваться на территорию России, в Северную Осетию (по данным правозащитной организации

¹⁰ По данным посла РФ в Грузии – около 2000 убитых.

Human Rights Watch в первые дни грузинского наступления было около 30 тыс. беженцев)¹¹. В свою очередь, под ударами российских войск из Южной Осетии устремились потоки грузинских беженцев во внутренние районы Грузии (по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев их насчитывалось около 15 000 чел.).

Месть и жестокость проявлялись обеими сторонами и носили массовый характер. Сначала их на себе почувствовали жители города Цхинвали. Наряду с убитыми и ранеными были и другие последствия войны: разрушенные дома, больницы, школы, все жизненно важные объекты инфраструктуры. После наступления российских войск появились случаи разграбления и сожжения грузинских сел, мародерства, изнасилования, убийств, самосуда, преимущественно со стороны боевиков из нерегулярных воинских формирований. Их бесчинства приняли масштабы этнических чисток.

Таким образом, в российско-грузинской войне проявилась одна из типичных черт вооруженного насилия начала XXI века: вслед за воюющими армиями шли различные ополченцы и вооруженные группы самозванцев, которые увеличивали масштабы и степень тяжести насилия на местах. В связи с этим Екатерина Степанова из Стокгольмского института исследований проблем мира использует термин «локальные случаи насилия» (*localized acts of violence*)¹². В основном имеется в виду насилие на этнической и уголовной почве, основная цель которого – убийство и уничтожение.

Война с точки зрения международного права

В нашей оценке мы будем использовать подход Гарета Эванса, всемирно известного специалиста в области международного права. Он утверждает, что война законна тогда, когда

¹¹ *Human Rights Watch* от 10 августа 2008 г.

¹² E. Stepanova, *Trends in armed conflicts* // SIPRI Yearbook 2008. - С. 46.

подкреплена мандатом Совета Безопасности ООН, а оправдана – когда подтвердятся причины начала войны¹³.

При оценке законности этой войны важно принять во внимание, что перед началом боевых действий ни одна из воюющих сторон не обратилась в Совет безопасности ООН. Ни Грузия, ни РФ не просили Совет безопасности ООН рассмотреть и выразить свое отношение к ситуации в регионах, в которых возникла напряженность. Грузия не запрашивала и не имела мандат на применение вооруженных сил на собственной территории. Аналогично, и Россия не запрашивала и не имела мандат на применение вооруженных сил против соседнего суверенного государства.

Что касается оправданности, то в этом вопросе можно руководствоваться критериями не только Г. Эванса, но и ведущего американского специалиста Р. Литвака. Исходя из опыта проведения операции «Иракская свобода», Р. Литвак считает¹⁴, что для того, чтобы война была оправданной, она действительно должна быть крайним средством решения проблемы (*last resort*). Началу военных действий должно предшествовать постепенно возрастающее политическое и дипломатическое давление, и если оно не приведет к желаемому результату, то после этого может последовать сосредоточение войск и их подготовка вблизи границ государства, против которого планируется применение вооруженных сил¹⁵.

Используя подход Литвака, можно увидеть, что Грузия далеко не исчерпала всех возможностей политических, дипломатических или экономических мер или давления на сепаратистские регионы. Ее военный удар не был крайним средством решения проблемы, необходимость в котором возникла бы

¹³ См. : G. Evans, *When is it Right to Fight?* // „Survival”, Vol. 46, Autumn 2004, no. 3.

¹⁴ R. Litwak, *Non – proliferation and the Dilemmas of Regime Change* // „Survival”, Vol. 45, Winter 2003-04, no. 4.

¹⁵ Его подход сильно напоминает действия СССР в 1968 г., когда оказывалось давление на руководство ЧССР во главе с Дубчеком, после чего последовало широкомасштабное вторжение, которое 21.08.1968 покончило с „Пражской весной”.

после исчерпания средств давления невоенного характера. Аналогичным образом, Россия также не исчерпала все возможности давления невоенного характера на Грузию, поспешно перейдя к боевым действиям, которые для нее были благоприятной возможностью для демонстрации своей политической решимости и впечатляющего военного преимущества.

Таким образом, можно заключить, что в соответствии с международным правом ни одна из воюющих сторон не привела аргументы, достаточные для оправдания применения военной силы для достижения политических целей. Соответственно, обе стороны проигнорировали рекомендации документа ООН от 2004 г.¹⁶, в котором главный упор делается на пять основных критериев, используемых для оценки серьезности угрозы безопасности. При их применении учитываются следующие факторы:

а) серьезность угрозы: ни для одной из сторон угроза не была настолько серьезной, чтобы возникла необходимость в применении военной силы. В соответствии с положениями указанного документа ООН, военные действия Грузии и последующие действия России квалифицируются как «катастрофа, которую можно было предотвратить» (*avoidable catastrophe*);

б) целесообразность потенциальной военной операции должна оцениваться с учетом ее цели: ликвидация или отражение существующей угрозы. Южноосетинский сепаратизм не был настолько серьезной угрозой, чтобы оправдать применение грузинских бригад, равно как и атака Грузии на Южную Осетию не может служить оправданием для широкомасштабного развертывания российских войск и их продвижения внутрь территории Грузии;

в) война должна быть крайним средством, которое применяется после исчерпания всех возможностей решения проблемы невоенным путем. Все возможности решения проблемы невоенным путем ни Грузия, ни Россия не исчерпали.

¹⁶ *A more secure world : our shared responsibility*, Report of the Secretary's General High-level Panel on Threats, Challenges and Changes, United Nations 2004, <http://www.un.org/secureworld/report3.pdf>.

Саакашвили, а затем Медведев с Путиным не пожелали обратиться в Совет безопасности ООН с аргументами, на основании которых этот орган ООН мог бы рассмотреть возможность предоставления мандата на применение вооруженных сил;

г) следует учитывать соразмерность применяемых средств (т.е. военные действия должны вестись в минимально необходимом объеме с точки зрения их масштаба, длительности и интенсивности). И эту рекомендацию обе стороны полностью проигнорировали: Грузия – ковровыми бомбардировками целей в Южной Осетии; Россия – захватом порта Поты и нанесением ударов по городу Гори. Обе стороны удовлетворили только критерий длительности военных действий – война действительно была краткой, но, в числе прочего, это достигнуто ценой неоправданных жертв и потерь. Ни Грузия, ни Россия не выполнили требования резолюции № 1265 (1999) Совета безопасности ООН «О защите гражданского населения в вооруженных конфликтах»;

д) учет последствий: всегда следует задаваться вопросом, сможет ли военное вмешательство эффективно и надолго предотвратить угрозу, против которой применяется. И эта рекомендация не выполнена. Ни одна из сторон не просчитывала политические последствия своих шагов. Своим военным ударом Грузия не улучшила, а, наоборот, ухудшила ситуацию для своих беженцев из Южной Осетии и перспективы решения проблем сепаратизма. Россия не учла и недооценила отрицательную реакцию международного сообщества, исходящую не только от США и НАТО, но и от ЕС, ОБСЕ, нейтральных государств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что *военные действия обеих сторон были абсолютно незаконными и неоправданными.*

Отношение и участие международного сообщества

С первых дней конфликта важнейшую роль играли главным образом Международный комитет Красного Креста и

правозащитная организация *Human Rights Watch*. Они добились создания коридоров для беженцев, которые перемещались в обе стороны. Таким образом они обеспечили личную безопасность (*human security*) не менее 30 тыс. чел. в районе боевых действий, что заслуживает высочайшей оценки.

Резко отрицательную позицию по отношению к России заняли правительства ряда стран, которые можно разделить на три основные группы. В первую группу входят государства-учредители НАТО, т.е. США, Великобритания и Франция. В основном они осуждали несоразмерную жесткость реакции России. Например, министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер обвинил российских солдат в этнических чистках и в стремлении создать этнически однородную Южную Осетию¹⁷. Очень жесткую позицию заняли государства второй группы, т.е. Польша с четырьмя государствами-республиками бывшего СССР: Литвой, Латвией, Эстонией и Украиной. Их президенты даже прилетали в Тбилиси для выражения своей поддержки президенту Саакашвили. Их действия обусловлены историческим опытом с бывшей советской империей, созданной в буквальном смысле слова «на крови»¹⁸. В частности, президент Литвы Валдас Адамкус говорил о недопустимом поведении агрессивной России, которая перед лицом современных государств ведет себя, как в XIX веке, и о необходимости переоценки всей системы европейской безопасности¹⁹.

И, наконец, третья группа стран, выразивших отрицательную реакцию и состоящую из нейтральных скандинавских государств: Швеции и Финляндии. Министр иностранных дел Финляндии Александр Стубб, исполняющий обязанности председателя ОБСЕ, критиковал российские войска за стремление очистить Южную Осетию от всех грузин²⁰. А его шведский коллега Карл Билдт был еще более резок, заявив, что

¹⁷ Euronews от 27 августа 2008 г.

¹⁸ Th. Wolton, *Lourd héritage soviétique* // „Le Monde” от 3 сентября 2008 г.

¹⁹ *Pour le président estonien, il faut repenser l' idée meme se sécurité en Europe* // „Le Monde” от 28 августа 2008 г.

²⁰ *The BBC News* от 25 августа 2008 г.

аргумент Москвы о защите российских граждан в Южной Осетии «напоминает аргументацию Гитлера при вторжении нацистов»²¹.

Особый интерес вызывает реакция Франции как страны, в то время председательствовавшей в ЕС. На встрече с российским президентом Медведевым 12 августа 2008 г. президент Николя Саркози представил программу, состоящую из шести пунктов: неприменение силы, полное прекращение вражды, обеспечение возможности оказания гуманитарной помощи и возвращения беженцев, вывод грузинских войск на исходные позиции, отход российских войск в места дислокации перед началом боевых действий, проведение международных переговоров о будущем Южной Осетии и Абхазии.

Участие Франции как страны, председательствующей в ЕС, и деятельность Федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель сыграли важнейшую роль в урегулировании конфликта, прежде всего, благодаря безусловному авторитету обеих государств, которые в 2003 г. прямо осудили войну в Ираке. Никто в Кремле не мог игнорировать их критику, как это происходило в отношении замечаний США или Великобритании, когда, «находясь под впечатлением американского военного вторжения в Ирак, российские политики отказывались выслушивать какие-либо нравоучения со стороны Запада»²².

В период, когда Москва не принимала во внимание протесты США и Великобритании, дипломатические усилия Франции и ФРГ способствовали скорейшему окончанию боевых действий и смещению акцентов на выработку политического решения и проведение переговоров. Кроме того, Франция действовала очень взвешенно, не используя риторику Вашингтона, заявляющего о российской агрессии против суверенного государства. Уклонившись от официального определения виновника конфликта, она обеспечила себе пространство для маневра в ходе своей посреднической дея-

²¹ „Economist” от 14 августа 2008 г.

²² P. Smolar, *Occident - Russie, anatomie d' une fracture* // „Le Monde” от 10 сентября 2008 г.

тельности, «чтобы, не теряя лицо, русские могли вывести свои войска»²³.

Дальнейшую критику вызвало одностороннее решение России о признании независимости Южной Осетии и Абхазии (26 августа), что означало посягательство на территориальную целостность Грузии. Этот шаг осудили не только отдельные государства, но и Генеральный секретарь ООН, НАТО, Председатель ОБСЕ, Европейская комиссия, Совет ЕС, министры иностранных дел государств-членов большой семерки. Таким образом, критика также прозвучала на уровне международных организаций. Их позиция основывалась на том, что признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии отражало заинтересованность России в дестабилизации ситуации внутри Грузии и в создании препятствий для ее вступления в НАТО²⁴.

Дискуссии в профессиональных и академических кругах

Как метафорически выразился ведущий американский политический обозреватель Томас Л. Фридман, воспользовавшись проходящими в Пекине Олимпийскими играми²⁵, в этой войне за жесткость решений золотую медаль завоевал бы российский премьер-министр Путин. Серебряная медаль досталась бы М. Саакашвили за преступную легкомысленность, с которой он предпринял военный удар по Южной Осетии. А бронзовую медаль следовало бы присудить внешнеполитическим командам президентов Б. Клинтона и Дж. У. Буша за упорство, с которым они выступали за расширение НАТО.

Говоря об уроках истории, Фридман напомнил, что после окончания холодной войны он критиковал вместе с Джорджем

²³ N. Nougayrede, *Géorgie, OTAN, Kosovo: la revanche russe* // „Le Monde” от 11 августа 2008 г.

²⁴ *Refaire l'empire* // „Le Monde” от 27 августа 2008 г.

²⁵ T. Friedman, *What did we expect?* // „International Herald Tribune” от 20 августа 2008 г.

Кеннаном, Майклом Манделбаумом и сенатором Сэмом Нанном идею расширения НАТО, однако в итоге их влияние было гораздо слабее, чем у политиков, выдвигавших два основных аргумента: с незапамятных времен Россия агрессивна, а после поражения в холодной войне слишком слаба, чтобы представлять собой угрозу для какого-либо государства, вступающего в НАТО. Таким образом, Фридман пришел к выводу, что постоянно расширять НАТО на восток, на постсоветское пространство просто глупо (*foolish*), так как это дает Путину повод для нанесения удара по зарождающейся российской демократии и, в конце концов, по той же Грузии. Идею расширения НАТО на восток Фридман критиковал также в своих дальнейших комментариях, предложив дать «один миллиард долларов государству, президент которого вел себя безответственно и спровоцировал войну с Россией»²⁶.

Очень сходные аргументы приводил и Уильям Пфафф. Он осудил чрезмерно бурную реакцию России на атаку ее солдат в Южной Осетии. Однако при этом он подверг критике тех политиков в администрациях Б. Клинтона и Дж. У. Буша, которые настаивали на «бесплатном расширении НАТО до границ России»²⁷. Саломэ Зурабишвили, профессор парижского Института политических исследований, в прошлом министр иностранных дел Грузии в 2004 - 2005 гг., метко подметила, что действия Саакашвили стали для России предлогом для мести за все то, что уже в течение длительного времени воспринималось как унижение от Запада²⁸.

С течением времени стали появляться также сомнения в правильности действий грузинского президента накануне войны. Три бывших посла в Грузии (один британский и два американских) в совместно проведенном анализе указали, что

²⁶ T. Friedman, *Georgia on my mind* // „International Herald Tribune“ от 7 августа 2008 г.

²⁷ W. Pfaff, *Saakashvili's folly* // „International Herald Tribune“ от 28 августа 2008 г.

²⁸ S. Zourabichvili, *What next?* // „International Herald Tribune“ от 21 августа 2008 г.

Грузия нуждается в независимой следственной комиссии по типу комиссии для расследования событий 11 сентября 2001 г. в США и что ей следует сосредоточить свое внимание прежде всего на условиях, которые вели к войне, на действиях грузинской стороны во время и после войны, на расследовании этнических чисток, проводившихся обеими сторонами²⁹.

Сразу после окончания кратковременной российско-грузинской войны разгорелась дискуссия на тему, какую роль в решениях России сыграли экономические соображения, в частности, стремление парализовать или нарушить работу нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан³⁰. В поиске ответа на этот вопрос Сванте Корнелл из стокгольмского Института безопасности и развития пришел к выводу, что основа всей кавказской геополитической проблемы – обеспечение безопасности поставок энергоносителей в Европу, так как своими военными действиями Россия ясно продемонстрировала желание постоянно контролировать доступ к нефти и газу Каспийского региона³¹. По мнению Корнелла, это будет серьезным вызовом ЕС и НАТО. Таким образом, не исключено, что, несмотря на свою скоротечность, эта война может изменить геоэкономическую ситуацию в регионе, жизненно важном для поставки сырьевых ресурсов с востока на запад.

Выводы

Грузинский удар по Южной Осетии и последующее беспрецедентное наступление Российской Федерации вызвали целый ряд важных вопросов о будущем международных отношений в области безопасности.

Первый вопрос: влияние этой войны на расширение НАТО на постсоветском пространстве. Приведет ли эта война

²⁹ D. Corboy, W. Courtney, K. Yalowitz, *What the West needs* // „International Herald Tribune” от 14 сентября 2008 г.

³⁰ A. Billette, *Au coeur du conflit, l'acheminement du pétrole qui contoutne la Russie* // „Le Monde” от 11 августа 2008 г.

³¹ S. Cornell, *L'avenir de l'Europe se joue dans le Caucase* // „Le Monde” от 1 сентября 2008 г.

к переоценке блоком НАТО своих планов и к остановке процесса вступления в НАТО дальнейших государств-республик бывшего СССР? По этому вопросу уже разгорелась весьма жаркая дискуссия. Например, как считает бывший президент Польши Квасьневский, споры с Россией могут продолжаться, но одновременно с ними должен проходить процесс расширения НАТО, так как Россия не имеет права решать судьбы своих соседей³². С другой стороны, бывший министр иностранных дел Великобритании Рифкайнд предупреждает, что приглашение Грузии и Украины (в НАТО) могло бы осложнить отношения между государствами Западной и Восточной Европы. Чтобы сделать вывод о том, что «развязывание горячей войны - не лучший способ предотвратить холодную войну», он привел аналогии с первой мировой войной, когда из-за убийства одного эрцгерцога крупные государства оказались втянутыми в войну³³.

С этим неразрывно связан другой вопрос, который останется актуальным в следующие месяцы, а то и годы: как относиться к России и ее политике на постсоветском пространстве? Даниэль Верне ясно указал³⁴, что Европа оказалась перед важной дилеммой: проявить солидарность с народами, желающими освободиться от влияния России, или бросить их на произвол судьбы, что побудит Москву к дальнейшему проведению политики реваншизма. Очень интересное решение этого важнейшего вопроса представили аналитики Европейского центра международных отношений³⁵. Они предложили ЕС ясно продемонстрировать, что „в современных условиях партнерство несовместимо с российскими военными ударами по соседним государствам“, а также рекомендовали ЕС больше

³² A. Kwasniewski, *Repensons les relations avec la Russie* // „Le Monde“ от 26 августа 2008 г.

³³ M. Rikkind, *A hot war is no way to prevent a cold one* // „International Herald Tribune“ от 5 сентября 2008 г.

³⁴ D. Vernet, *Géorgie : succes tactique, mais conséquences stratégiques* // „Le Monde“ от 19 августа 2008 г.

³⁵ N. Popescu, M. Leonard, A. Wilson, *Can the EU win the peace in Georgia?*, ECFR Policy brief, August 2008.

ориентироваться в своей политике на обеспечение стабильности в регионе, экономическое развитие и укрепление демократии.

Несмотря на свою скоротечность и относительно небольшое количество жертв (главным образом, по сравнению с десятками тысячами убитых и миллионами беженцев в Ираке), российско-грузинская война продемонстрировала, что *силовые решения проблем по-прежнему остаются составной частью международной политики*. Даже в начале XXI века политики отдают приказы о начале военных действий, не задумываясь, насколько такой подход законен и оправдан. С этой точки зрения именно постсоветское пространство чрезвычайно взрывоопасно и является потенциальным источником напряженности в будущем.

Важнейшим вопросом становится вопрос о перспективах международных отношений в области безопасности. Российско-грузинская война и потенциальные конфликты, заложенные в постсоветском пространстве, могут повысить вероятность возврата к системе военных блоков, как об этом предупреждает упоминавшаяся выше М. Калдор. В этом случае границы определялись бы не идеологическими, а национальными и культурными различиями³⁶. При этом Калдор добавляет, что в значительной степени это означало бы мировой порядок, описанный в книге Хантингтона «Столкновение цивилизаций».

Как менее вероятный вариант развития событий непосредственно после российско-грузинской войны представляется ситуация, которую Калдор называет космополитическим правлением (*Cosmopolitan Governance*). Оно основывалось бы на всемирно признанных ценностях и на глобальном контроле (*global overwatch*) за соблюдением связанных с ними правил. Безусловно, это идеальный вариант мирового порядка, но его реализация зависит от многих факторов, в первую очередь, от дальнейшего развития отношений между США и Российской Федерацией. В этом случае возможны две крайности.

³⁶ M. Kaldor, *New and Old Wars ...* - С. 181.

Первая – возврат к циничной политике сфер влияния, когда каждая сторона действует без учета норм международного права и мнения других государств, а свои интересы реализует военным путем без мандата Совета Безопасности ООН³⁷. Например, на такой подход указывает категорическое заявление российского представителя в НАТО о том, что в случае, если после этой войны Грузии будет предложено членство в НАТО, то Москва это воспримет как «переход «красной черты» и окончание сотрудничества с организацией, поддерживающей агрессора»³⁸.

Второй, намного более перспективный вариант, – возобновление обеими сторонами плодотворного диалога и применение трезвого подхода, который в самом конце холодной войны выработали Дж. Буш и М. Горбачев. Они смогли отбросить идеологические и политические стереотипы, оправдывающие военное присутствие за рубежом, и искали пути его ограничения и снижения международной военной напряженности. Если эти два государственных деятеля смогли эффективно, раз и навсегда положить конец сорокалетней холодной войне, то почему бы в интересах всего человечества в конце первого десятилетия XXI века их преемникам не вернуться от политики нарастающего противостояния к партнерству в области международной безопасности?

³⁷ Это также проявилось в реакции российских политиков и политических обозревателей, утверждавших, что действия России не хуже, чем вторжение США в Ирак.

³⁸ М. Rogozine, *L'élargissement a des pays de l'Est a renforcé l'orientation antirusse de l'OTAN* // „Le Monde” от 15 сентября 2008 г.

